

ПРИЗРАК С ОКРАИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БЛАЗАР

КНИГА ТРЕТЬЯ

18+

Блазар

Призрак с окраины. Книга третья

«Автор»

2026

Блазар

Призрак с окраины. Книга третья / Блазар — «Автор», 2026

Нилак Ратгор снова выжил — но победой это назвать трудно. После саботированного гиперпрыжка «Тень» оказывается в неизвестной системе. Центральный искин, гипердвигатель и навигация потеряны, связь с Содружеством оборвана. Единственный шанс на спасение — потерянная человеческая планета с дымными городами, шахтами, заводами, аристократией и силой, которую местные считают магией. Для Нилака это пси. Для знати — источник власти. А для хозяев этого мира он слишком быстро превращается из странного чужака в проблему, которую уже нельзя оставить без внимания. Чтобы спасти корабль и экипаж, Нилаку придётся найти ресурсы, наладить производство и не перейти черту, за которой помощь становится вмешательством. В местной магии звучит санскрит, а значит, эта планета связана с древними куда сильнее, чем кажется.

© Блазар, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Герцог	5
Глава 1. Дым над долиной	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Блазар

Призрак с окраины. Книга третья

Пролог. Герцог

В Хардуме день начинался не с восхода солнца.

Сначала город зажигался искусственными огнями. Внизу, под серыми уступами, пробуждались котельные, выплёвывая сизый дым в предрассветное утро. Потом один за другим отсыпались тяговые дома: низко, тяжело, будто в каменной груди Серого Венца просыпались великаны. Дым и пар шли над крышами, цеплялись за шпили, ложились на мокрую черепицу и делали утро одинаковым в любое время года — сажистым, кислым, с привкусом угля на языке у горожан.

На картах планеты этот край назывался Венцовым. Купцы называли его Северным промышленным поясом, а газетчики — опорой державного труда и благополучия.

Чёрный Венец — так называли эту местность простые работяги.

Там, внизу, у шахтных ворот уже открывались лавки. Женщины с корзинами ругались у хлебных рядов. Мальчишки в закопчённых куртках бежали к сортировочным дворам, пока надсмотрщики не закрыли проходные. Газетчики выкрикивали заголовки, которые ещё ночью правили в герцогской канцелярии. У тротуаров шипели прокаты. Над мостовой звенели рельсовые повозы. Дальше, за домами, уходили в горы хребтовые линии — чёрные, мокрые, натянутые между камнем и паром.

По железным трактам перемещали руду и уголь, почту, продовольствие и пассажиров.

Герцог Арден Валхор любил смотреть на Хардум по утрам. Город оживал, просыпался и начинал работать.

Вечерами зажигались газовые фонари, открывались трактиры, у театров появлялись парокареты, дамы прятали лица в высокие тёплые воротники, а господа спорили о политике, делая вид, что могут что-то изменить этими разговорами.

Герцог стоял у высокого окна, заложив руки за спину. Стекло было толстым, с лёгкой зеленцой, и Хардум за ним казался погружённым в мутную воду. На подоконнике лежала тонкая полоска сажи. Каждый вечер её убирали, но сажа возвращалась раньше, чем он приходил в кабинет.

Валхор провёл пальцем по каменному подоконнику и задумчиво посмотрел на тёмный след на коже. Для него сажа была хорошим знаком. Пока она ложилась на окна, его маленькая империя приносила доход.

За его спиной располагалась карта, занимавшая почти всю внутреннюю стену кабинета: Венцовый край в медной раме, с горами, реками, шахтными округами, плавильными дворами, железными трактами, воздушными маршрутами и городскими кварталами. Карта была механической, настоящим произведением технологического искусства, сделанным на заказ. Сюда в реальном времени сходились узорные нити со всей округи.

Часть нитей светилась ровно — действующие тракты. Другие пульсировали, показывая перегруженные линии. Третьи были тусклыми, почти серыми: этим цветом обозначались долги, спорные или заложенные участки, точки на грани банкротства. Отдельными тонкими штрихами шли узорные станции, газовые дворы, тяговые дома и банковские узлы.

Валхор смотрел на карту каждый день и каждый день видел одно и то же: край держался на узорной связи.

На столе перед креслом стояла бронзовая модель тягового дома. Очень тонкая работа: в миниатюре были сделаны котлы, маховик, барабаны, зубчатые передачи, крошечные канатные

шкивы и центральный желоб хребтовой линии. Подарок Совета промышленников к годовщине Хардумской линии. На табличке было выгравировано: «Господину Венца, чьей волей движется край».

Лесть была грубой, но точно отображала положение герцога в местной иерархии.

Рядом лежал кусок тёмной руды величиной с мужской кулак, тяжёлый, с прожилками. Валхор иногда держал его в ладони во время докладов. Камень напоминал чиновникам, что все их бумаги, печати, речи и узорные карты в конце концов упрутся в то, что можно выкопать, переплавить и продать.

У левого края стола лежала свежая газета. Передовица ещё пахла типографской краской. Некоторые строки были зачёркнуты тонким красным карандашом, поверх них рукой Валхора были выведены ключевые пометки.

«Недовольство рабочих кварталов» превратилось в «усталость честных тружеников».

«Перебои с продовольствием» — во «временное перераспределение поставок».

«Задержание редактора Ламма» — в «проверку источников клеветнических слухов».

Бумага терпела всё. Люди — почти всё.

За дверью негромко кашлянул секретарь.

— Войдите, Дойн.

Первый секретарь Бренн Дойн вошёл, держа перед собой кожаную папку. Он был сухой, аккуратный, с лицом человека, который давно научился не иметь лишних выражений. За ним скользнул младший писец с чернильницей и стопкой утренних бумаг.

Оба поклонились.

Валхор сел в строгое кожаное кресло на кованых металлических подножках.

— Начинайте, — распорядился он.

Дойн раскрыл папку.

— Цена на уголь для городских котельных. Рудничная палата просит поднять на одну шестнадцатую. Плавильщики возражают. Городская управа просит оставить прежнюю цену до конца холодов.

— Рудничная палата всегда просит поднять цены, а городские не хотят тратить свои бюджеты. У них разные цели. Цену поднять на одну тридцать вторую. Разницу записать как временный сбор на ремонт нижних мостов.

Писец заскрипел пером.

— Мосты не стоят в смете этого квартала, ваша светлость, — осторожно сказал Дойн.

— Теперь стоят.

— Да, ваша светлость.

Дойн перевернул страницу.

— Газетчик Эрен Ламм. Издал листовку и распространял у Северных ворот. Тираж малый, но формулировки неприятные. Упоминается продовольственный обоз для Верхнего круга.

— Кто дал ему цифры?

— Пока не установлено.

— Задержать Ламма. Без шума. Типографию не печатывать. Пусть завтра выйдет номер с извинениями.

— Если они откажутся?

Валхор внимательно посмотрел на секретаря.

Дойн опустил глаза.

— Понял, ваша светлость.

Следующая бумага легла на край стола.

— Поставка продовольствия в Нижний Клин. Из-за ремонта третьего подъёмника обоз задерживается на несколько дней. Староста квартала просит разрешения взять запас из резерва.

Валхор взял красный карандаш и поправил ещё одну строку в газете. Потом ответил:

— Нет.

Писец поднял голову и сразу опустил.

— В Нижнем Клине уже были волнения, — сказал Дойн.

— Поэтому нет. Если дать им резерв после крика, завтра закричит Полозов двор. Потом Мыльный спуск. Потом Воротная слобода. Перераспределите половину поставки из Западного ряда. Голод допускать нельзя. Старосте — благодарность за бдительность. Его племяннику отказать в месте при узорной школе.

Дойн сделал пометку.

Валхор не повышал голоса. Не нужно было. В кабинете и без того становилось теснее, когда он принимал решение.

— Лицензия на малый воздушный тракт, — продолжил Дойн. — Между Хардумом и Бережным заводом. Просят представители династии Лосс и ливрейная компания Крайней верфи. У Лоссов поручительство от казначейской палаты. У ливрейной компании есть новые воздушные тягочи.

— Лоссам отказать.

Дойн едва заметно поднял бровь.

— Но как же поддержка?

— Именно поэтому отказать. Казначейская палата начала путать поддержку с правом. Верфи дать лицензию на три года, не больше. Условие: два тягоча по первому требованию переходят под военную перевозку.

— Они будут недовольны.

— Пусть выбирают: летают по малому воздушному тракту или выражают недовольство.

Дойн поклонился.

Для герцога это было обычное утро. Люди хотели больше угля, больше продовольствия, больше прав и меньше старых обязательств. Хотели продать свои требования, получить уступку, протиснуться между чужими долгами и герцогской печатью. Из таких желаний, если дать им свободу, получались революции. Если держать их в узде, сталкивать между собой и направлять, власть только укреплялась.

Утренний доклад был окончен.

Валхор остался один. Он взял со стола камень, прикрыл глаза, размышляя о планах на день, и дверь открылась снова. На этот раз секретарь не кашлянул заранее.

Валхор не повернул головы.

— Что случилось, Дойн?

Секретарь уже стоял у двери.

— Ваша светлость, срочный доклад с хребтовой линии.

В кабинет вошёл дорожный инспектор. Плащ на нём был ещё мокрым, сапоги оставили на ковре две тёмные отметины. Он понял это слишком поздно и побледнел.

— Ваша светлость.

— Говорите.

Инспектор сглотнул. В руке он держал узкую металлическую коробку с печатью трактовой службы. На крышке виднелась свежая трещина воска.

— Сухая Балка. Вторая хребтовая линия. Нижний подъём. Ночная проводка рудного состава с восемнадцатого уступа. Была угроза срыва.

Дойн резко посмотрел на карту. Одна из нитей в северо-восточной части под стеклом пульсировала чаще остальных. Тускло-красная точка дрожала у изгиба тракта, где равнинный ход переходил в хребтовую жилу.

— Потери? — спросил Валхор.

— Нет, ваша светлость.

— Тогда почему доклад срочный?

Инспектор открыл коробку. Внутри лежала узорная карта: тонкая пластина с пробитым рисунком, залитая по краям мутным защитным составом. Такие карты приходили с трактовых станций через узорную почту. Обычно они содержали вес состава, номер подъёмника, показания слухача жилы, давление в тяговом доме и короткую запись происшествия.

Узор на ней сбивался, будто пробойщик дважды попал в одну строку и оба раза не туда.

— Состав должен был сорваться, — сказал инспектор. — Так считает старший мастер. Канатный захват взял жилу неровно. На одном из натяжных роликов образовался скол. На входе в центральный желоб пошла боковая дрожь. Если бы тяговый дом добавил ход, захват разорвало бы или сорвало с жилы.

— Что слухач?

— Утверждает, что жила пела чисто.

Валхор повернулся.

— Жила не может чисто петь при сколотом ролике.

— Да, ваша светлость.

— Кто остановил состав?

Инспектор замялся.

— Какой-то проезжий.

В кабинете стало тихо. Даже перо младшего писца перестало скрипеть.

— Простой проезжий? — удивился Валхор.

— Чужак. Был на станции перед подъёмом. С ним несколько человек. Не из наших округов. Он вмешался в работу сцепной площадки.

Дойн сухо сказал:

— Начальник станции позволил?

— Не сразу. Там была давка, груз уже висел на линии. Паротяг подвёл состав к захватной точке, тяговый дом поднял давление, жила пошла. Чужак указал на натяжной ролик и потребовал сбросить пар с главного барабана. Потом велел не брать состав на полный ход, отвести захват, поставить клин под обратный башмак и проверить один из зубьев клешни.

— Говорил как мастер?

Инспектор помедлил.

— Нет, ваша светлость.

— Как кто?

— Как человек, который никогда не работал на хребтовой линии, но видел её насквозь.

Валхор протянул руку.

Инспектор быстро подал узорную карту.

Пластина была холодной. Пробитые строки шли ровно только до середины. Потом началась грязь: лишние точки, короткие сбои, места, где узорная станция будто пыталась передать не запись, а чужое ощущение. Карты так не делали. Машина либо пробивала данные, либо портила карточку.

Но тут испорченной была не машина.

Валхор положил карту на чёрную подставку у края стола и коснулся её пальцами. Он направил Волю на считывание узора. Старые школы называли это видением Акаши; такому не учили простых узорников. Карта не показывала событие, как кинолента, но отдавала образы, резонанс, ощущения и понимание.

Кабинет не исчез: стол, руда, газета, Дойн и инспектор остались на своих местах. Но поверх них во внутреннем пространстве Валхора проявился другой мир: мокрая сцепная площадка, белый пар, крики смены, стук тормозных колодок, тяжёлый ход барабана в тяговом доме. Под ногами — дрожь каменного седла. В центральном желобе шла стальная жила. Сначала ровно. Потом с тонкой боковой хрипотцой.

Состав висел на подъёме. Мокрые вагоны, тяжёлая руда. Паротяг держал давление, но главную силу уже давал тяговый дом. Захват неровно вгрызся в жилу. В пятом ролике был скол, и жила начинала уходить на край. Слухач жилы стоял у контрольной пластины. Ладонь прижата к металлу. Лицо уверенное, но он не слышал.

Рядом стоял чужак.

Он не тянулся к жиле своей Волей, как тянутся путевые видящие Притхиви. Не слушал камень. Не просил Искру открыть ему скрытое.

Он просто смотрел обычным взглядом.

И видел.

Видел связь: угол захвата, дрожь жилы, скол ролика, запаздывание барабана, тяжесть состава, лишний пар. Он не использовал Дар. Скорее смотрел на линию как на чертёж.

Валхор убрал руку.

— Слухач жив?

— Да, ваша светлость. Его оставили до вашего распоряжения.

Инспектор склонил голову.

— Что начальник станции?

— Уже пишет объяснение.

— Пусть пишет второе. Первое — почему состав едва не сорвался. Второе — почему посторонний человек увидел жилу раньше слухача и мастера.

Дойн сделал пометку.

— Чужак назвался?

— В первичной карте имени нет. Трактовая стража передала, что он ушёл до прибытия старшего караула.

— Ушёл, — сказал Валхор. — После вмешательства в герцогскую линию.

Инспектор побледнел сильнее.

— Люди на станции были ему благодарны. Возникла неразбериха.

— Благодарность рабочих редко улучшает порядок.

Валхор снова просмотрел карту своей Волей. Точка у Сухой Балки перестала дрожать. Линия вернулась к ровному тусклому свету, будто ничего не произошло.

— Доклад оставить, — сказал герцог. — Карту тоже. Вы свободны.

Инспектор поклонился и вышел, стараясь не смотреть на следы от своих сапог.

Дойн дождался, пока дверь закрылась.

— Мелкий случай, ваша светлость. Возможно, мастер прикрывает ошибку.

— Возможно.

Валхор положил руду на стол.

Второй доклад принесли через семь минут.

На этот раз вошёл не дорожный инспектор, а банковский поверенный в тёмном сюртуке с узкой серебряной цепочкой на груди. Цепочка обозначала право работать с пробирной книгой. Поверенные любили эти знаки больше, чем старые школы любили свои строи.

Поклонился он правильно. Сапоги вытер заранее. Коробку держал обеими руками.

— Ваша светлость, Хардумский горный банк просит внимания к необычному платёжному металлу.

— Банк просит внимания герцога к монете?

— Не к монете, ваша светлость.

Поверенный открыл коробку.

Внутри на тёмном бархате лежали три маленьких серебряных кружка. Для монет слишком ровные: без чеканки, без герба и потёртостей от чужих пальцев. Один кружок был надрезан пробирщиком. Срез блестел бело и чисто.

Валхор не взял металл сразу.

— Откуда?

— Из обменной лавки у Восточных ворот. Лавочник принял их утром за расчёт. Отнёс в малую палату, потому что не знал, по какому весу считать. Малая палата передала в банк.

— Почему?

Поверенный облизнул губы.

— Невозможный уровень пробы.

Дойн чуть скривился.

— Как это невозможный?

— Да, господин герцог. Проба необычно высокая. Почти без меди и свинца. Следы примесей не совпадают с рудами Венцового края, Северной складки, равнинных копей и южных промывок. Мы проверили по пробирной книге и по узорной карте поставок. Нет рудничных меток, купеческих насечек и следов обычной чеканки.

— Старый клад?

— Тоже нет, ваша светлость. Нет признаков долгого хранения. Поверхность свежая, обработка очень ровная.

Валхор взял один кружок.

Серебро было холодным и по ощущениям очень чистым. Деньги обычно несли на себе следы людей. Даже если их отмывали, переплавляли, клеймили заново, в них оставалась цепочка: рудник, плавильный двор, банк, купец, рука, карман, страх потерять и желание получить больше.

Этот кружок молчал, как будто появился из пустоты.

— Кто расплатился?

— Лавочник описал мужчину. Высокий, русые волосы, северный покроем плаща, речь странная. Был не один. С ним женщина и несколько вооружённых людей. По виду — не городские.

Дойн поднял глаза от записи и посмотрел на герцога.

— Сухая Балка?

— Расстояние позволяет, — сказал Валхор.

Поверенный замер, поняв, что сказал слишком мало и уже услышал слишком много.

— Лавочник задержан? — спросил герцог.

— Нет, ваша светлость. Мы сочли

Валхор его перебил.

— Правильно сочли. Не задерживать. Лавку не трогать. Пусть работает. Каждый, кто спросит об этом серебре, должен быть записан. Каждый, кто принесёт похожее, должен выйти довольным и под наблюдением.

Поверенный поклонился.

— Да, ваша светлость.

— Кружки оставить.

— Банк просил вернуть хотя бы один для

Валхор посмотрел на него.

Поверенный быстро закрыл рот.

— Кружки оставить, — повторил герцог уже мягче. — Банку передать благодарность за внимательность. Пробирщику — премию. Малой палате — выговор за задержку в передаче.

— Но они передали в тот же час, ваша светлость.

— Значит, в следующий раз передадут сразу.

Поверенный поклонился ещё ниже и вышел.

Дойн молчал. Он был умным человеком и знал цену молчанию.

Валхор положил серебряный кружок рядом с рудой. Чужой металл и местный камень коснулись друг друга на чёрной поверхности стола.

Герцог провёл пальцем над ним, не касаясь. Воля легла тонко, как стекло на воду. Обычный металл отвечал едва заметно: хранил тепло рук, страх вора, жадность лавочника, усталость пробирщика.

Серебро ответило пустой гладкостью.

Валхор убрал руку.

Сильных людей он не боялся, их было удобно учитывать. Сильный род хотел брака. Сильный заводчик хотел лицензии. Сильный видящий хотел попасть в школу. Сильного бунтаря можно было купить, повесить, опозорить или превратить в депутата городского совета. В зависимости от цены.

Опасны были те, от кого не тянулась нить истории.

Третий доклад принёс Северин Вейр.

Он вошёл без папки. В этом была его привилегия и его дурная привычка. Высокий, худой, гладко выбритый, с лицом профессора, который случайно возглавил пыточную. На нём не было ни знаков тайной службы, ни герцогских цветов. Только серый сюртук, перчатки из тонкой кожи и трость с набалдашником из чёрного дерева.

Вейр поклонился меньше, чем требовал этикет, и ровно настолько, насколько Валхор позволял лично ему.

— Ваша светлость.

— Ты быстро.

— Вы платите мне за скорость.

Дойн сделал вид, что не услышал.

Валхор сел глубже в кресло.

— Говори.

Вейр достал из внутреннего кармана сложенный лист. Сначала прочёл сам, будто проверял, не изменился ли текст по дороге. Потом протянул герцогу.

— Человек с хребтовой линии, вероятно, тот же, что расплатился серебром у Восточных ворот. В трактовой записи назвался Ратгором. Имя или родовое прозвище — неясно. В некоторых показаниях звучит ещё одно имя, но люди путаются. Говорят, он поправлял их произношение.

— Откуда он?

— С Севера, если верить одежде. Из горных, если смотреть на его охрану. Из аристократов, если верить манере держаться. Из купцов, если смотреть на серебро и слушать, как он торгуется.

— Вы пришли сказать мне, что ничего не знаете?

— Я пришёл сказать, что у этого человека слишком много странностей.

Валхор едва заметно улыбнулся.

Вот поэтому Вейр всё ещё был жив, свободен и полезен.

— Продолжай.

— Род Ратгор в книгах Венцового края не значится. В соседних провинциях есть два похожих звучания: Ратгард и Ратор. Оба мелкие, оба не подходят. Долгов за ним нет. Учителей нет. Школьной записи нет. В трактовых палатах не служил. В купеческих гильдиях не отмечен. Военных списков нет. В почтовых книгах тоже пусто.

— Беглый? — спросил герцог.

— Беглые оставляют больше следов.

— Может, из закрытой школы?

— Возможно.

— Бастард?

— У бастардов есть матери, ваша светлость. Или хотя бы слухи о них.

Валхор взял серебряный кружок и покатал его между пальцами.

— Кто с ним?

— Женщина. Описания расходятся. Одни говорят — жена. Другие — знатная северянка.

Третьи — морочница, но это сказал грузчик, которому она велела убрать руку с её дорожного сундука. Ещё несколько вооружённых. Держатся как наёмники, но не ищут найма. Двое молчаливых, тяжёлых. Один слишком внимательно смотрит на крыши.

— Оружие?

— Часть местного вида. Часть скрыта. Стражник у Восточных ворот говорит, что один из них нёс очень странно сбалансированный клинок.

Валхор положил серебро на стол.

— На него давили?

Вейр впервые посмотрел не на герцога, а на карту. На северо-восточную нить у Сухой Балки.

— Пытались. Слабо. Не мои люди. Станционный писарь с малой Волей. Хотел вытянуть имя для записи. Ратгор не заметил.

— Не поддался?

— Именно не заметил. Это гораздо интереснее.

В кабинете снова стало тихо.

Валхор медленно поднял глаза на Вейра.

— Люди без Дара тоже не замечают слабую Волю.

— Да, ваша светлость. Но они потом всё равно ведут себя иначе. Становятся раздражёнными, покладистыми, грубыми, сонными. Что-нибудь меняется. Этот — нет. Писарь говорит, будто толкнул каменную стену. Я не люблю такие сравнения, но других у него не нашлось.

— Пустой?

— Может быть. Но пустые обычно тупы к узорам вообще. Этот увидел хребтовую жилу раньше слухача.

— Значит, не пустой.

— Или не такой пустой, каких мы знаем.

Валхор встал.

Подошёл к карте. Узоры под стеклом дрогнули, отзываясь на его приближение. Эта карта знала его руку лучше, чем многие люди знали собственное имя.

Он коснулся Сухой Балки. Потом Восточных ворот. Потом короткой дороги между ними.

Три точки.

Сбой линии.

Серебро без происхождения.

Человек без записи.

Если смотреть отдельно, каждая была мелочью. В большом крае ежедневно случались поломки, странные платежи, чужие люди, ложные имена, слабые слухачи, жадные лавочники и испуганные писари.

Валхор не любил отдельные мелочи.

Он любил связи, когда они складывались в понятный ему узор.

— Он ещё в городе?

— Не подтверждено. След ведёт к нижним постоялым дворам, потом рвётся.

— След не рвётся, Вейр. Его либо плохо держат, либо хорошо режут.

— Я потому и пришёл лично.

На карте линия между Восточными воротами и нижними кварталами оставалась ровной. Ни вспышки, ни тревоги, ни красного пульса. Край принимал чужака как обычную пыль на сапоге.

Карта ошибалась второй раз за утро.

Валхор не позволил раздражению подняться выше груди. Раздражение мешало видеть. Гнев был полезен только тогда, когда его видели другие.

— Какие версии? — спросил он.

Вейр загнул палец.

— Северный видящий, обученный вне школ.

Он загнул второй палец.

— Чей-то специально обученный агент.

Третий.

— Незаконный наследник одной из старых линий, скрытый до поры.

Четвёртый.

— Человек древнего ордена, если верить сказкам, которые любят старухи и младшие архивисты.

Пятый палец он не загнул.

— Или?

— Или мы смотрим не туда.

Дойн тихо вдохнул.

Валхор повернулся к секретарю.

— Запишите приказ.

Писец вздрогнул и наконец опустил перо.

— Первое. Сухая Балка: слухача жилы доставить в Хардум под видом лечения. Не допрашивать на месте. Начальника станции оставить на должности до особого распоряжения. Пусть думает, что имеет шанс.

Перо бежало по бумаге.

— Второе. По серебру: обменные лавки Восточных ворот, Нижнего ряда и трактовых постоянных дворов предупредить через банк. Открыто не искать. Принимать. Платить щедро. Записывать лица, речь, спутников, направление, все возможные детали.

Вейр улыбнулся краем рта.

— Щедрость всегда делает людей разговорчивыми.

— Поэтому она обходится дешевле пыток.

Дойн не поднял головы.

— Третье. Газетам дать слух о северном инженерере, который спас рудный состав. Без имени. С похвалой трактовой службе. Мне нужно знать, кто захочет поправить эту историю.

— Да, ваша светлость.

— Четвёртое. Школам Видения отправить закрытый запрос по редким пустым и по ученикам без родовой записи за последние двадцать лет. Ответы только через герцогскую узорную станцию. Без обычной почты.

— Да, ваша светлость.

— Пятое. Незнакомца не брать.

Вейр чуть склонил голову.

— Совсем?

— Пока.

— Если он уйдёт?

— Значит, узнаем, куда.

— Если начнёт вмешиваться ещё?

Валхор посмотрел на серебро рядом с рудой.

— Он уже начал.

Вейр убрал лист обратно в карман.

— Наблюдать близко или издалека?

— Достаточно близко, чтобы слышать, что он покупает. Достаточно далеко, чтобы он не решил, будто мы боимся.

— А мы боимся?

Младший писец перестал дышать.

Дойн закрыл глаза на одно короткое мгновение.

Валхор подошёл к столу и взял кусок руды. Сжал в ладони так, что костяшки пальцев побелели.

— Нет, Вейр. Мы анализируем.

— Разумеется, ваша светлость.

Но Вейр был слишком умён, чтобы не услышать то, чего герцог не сказал.

Валхор не боялся чужака так, как боялся убийцу за дверью, бунта на площади или письма с имперской печатью. Страх перед такими вещами был простым. У него имелись формы, сроки, исполнители и статьи расходов.

Здесь было другое.

В край вошёл человек, на которого не ложились привычные меры.

Без рода, который можно призвать к ответу.

Без долга, который можно выкупить.

Без учителя, которого можно припугнуть.

Без лицензии, которую можно отнять.

Без газеты, которая уже назвала бы его правильным словом.

Без страха, оставившего след в чужой Воле.

Человек был не сильнее Валхора. Скорее всего. Сильные сияли, давили, шумели вокруг себя. Их замечали даже дураки. Этот тоже сиял, но странно.

Он не вписывался в привычный мир.

А неписанное портило страницу сильнее кляксы.

— Найдите его правильное имя, — сказал Валхор.

Вейр внимательно посмотрел на герцога.

Валхор положил руду обратно. Потом взял серебряный кружок и накрыл им красную правку в газете. Чужой металл закрыл слово «порядок».

За окнами снова загудел тяговый дом. Низко и протяжно. Стёкла едва заметно дрогнули. Где-то внизу Хардум глотнул угольного дыма и продолжил работать, не зная, что его хозяин уже изменил несколько строк в утреннем отчёте.

Вейр поклонился и вышел.

Валхор остался стоять у стола.

Он смотрел на три вещи: руду, серебро и узорную карту с Сухой Балки.

Здесь всё принадлежало ему. Газеты, банки, тракты, продовольствие, уголь, школы, судьи, лицензии, страхи и надежды этого края — всё имело место на его узорной карте.

Но сегодня утром в Венцовый край вошёл незаписанный человек.

А незаписанным в крае Ардена Валхора позволялось существовать только до той поры, пока герцог о них не знал.

Глава 1. Дым над долиной

— Блядь стимпанк какой-то.

Фраза непроизвольно вырвалась из уст Нилака.

Он стоял на скальном выступе, над речной долиной чужой планеты, и смотрел вниз. Впереди простирался большой и дымный город. У реки темнели длинные крыши складов, над ними поднимались трубы. Судя по виду, там был речной порт с пришвартованным пароходом. По холмам расходились ровные стальные линии. По одной из них медленно двигался грузовой состав с низкими платформами и тёмной массой в вагонах. Тяжёлая дымящая машина с высоким котлом и широким отбойником спереди. Очень отдалённо состав был похож на паровоз из старых хроник. Но это было что-то местное, собранное по другим принципам, чтобы тащить вес, сжигать топливо и отравлять воздух.

Выше по склону стояло каменное здание с дымоходом на трубе. Сбоку здания медленно вращалось огромное колесо или барабан, и Нилак не сразу понял, едет ли состав сам или его подтягивает скрытый в здании механизм.

Над городом, низко и тяжело летела воздушная машина. Несколько вытянутых оболочек, жёсткая рама, гондола снизу, боковые винты и паруса. Только паруса были сделаны не из ткани, а из какого-то жёсткого композитного материала. Похоже на смесь двухмачтового корабля и дирижабля. Но всё выглядело чужеродным, непропорциональным.

Мириэль повернулась к нему.

— Я не очень поняла, что ты сказал?

Хоть Нилак периодически и матерился земными словами, вокруг никто не понимал, что он говорит. Только по интонации догадывались, что ничего хорошего. Также для Мириэль не существовало земных жанров, старых картинок, фантазий о паровой эпохе и всего того мусора, который вылезал у Нилака из памяти в самый неподходящий момент.

— Стимпанк, — сказал он после паузы. — Это когда вокруг много дыма, пара, железа и странных машин, которые почти красивы, пока не вспомнишь, сколько жизней такая техника перемалывает.

Мириэль снова посмотрела вниз.

— Да, это видно невооружённым глазом.

Фильтры скафа отсекали запахи, но не до конца. До Нилака всё равно добирались запахи влажной листвы и слабый кислый привкус дыма из долины. Планета пахла жизнью, углём и железом.

Шайвам контролировал левый край выступа. Амба — правый. Двое креатов растворились чуть позади, среди тёмной мокрой растительности. Техник сидел на плоском камне и анализировал картинки с дронов.

— Космическая активность? — спросил Нилак.

— Ноль, — ответил техник. — Орбитальных объектов нет, как и маяков. Радиосети планетарного уровня не вижу. Есть слабые локальные сигналы вдоль дорог, мачт и крупных зданий. Похоже на проводную передачу данных.

— Что у них с оружием?

— С такого расстояния плохо видно, но пока ничего серьёзного, какие-то механические самострелы. Орбитальной обороны, турелей и дроидов не обнаружено. Но сканирование пассивное. Если у них есть что-то серьёзное на местных принципах, можем не понять.

Нилак задумчиво посмотрел на экран планшета.

На экране дрона внизу двигались люди или достаточно близкие к людям гуманоидные существа. У портовых складов мелькнули светлые волосы, почти серебряные. У грузовых пло-

щадок — более тёмные лица. На одной из платформ работали широкоплечие фигуры с сероватым оттенком кожи. Пока всё увиденное оставалось сухими данными.

Город жил своей жизнью. Дымящие машины двигались по стальным линиям. По реке шли широкие суда с трубами. Воздушная машина ползла над крышами. По дорогам передвигались большие дымящие машины на колёсной базе. Где-то там были заводы, склады, рабочие, политики, деньги и учёт. Всё, что могло дать «Тени» шанс. И всё, что могло превратить случайную посадку в преступление перед Содружеством и против докосмического мира.

Закон Содружества в таких случаях был предельно ясен — не вмешиваться, но реальность, как обычно, положила причинное место на законы.

«Тень» была повреждена. Центральный искин мёртв. Гипердвигатели — в состоянии, о котором Торик говорил только матом и короткими техническими приговорами. Без материалов, станков и хотя бы понимания местной промышленности они могли сколько угодно соблюдать закон — прямо до момента, когда корабль окончательно станет дорогим памятником осторожности.

— В город не идём, — сказал Нилак.

Мириэль чуть повернула голову.

— Почему?

Она спрашивала не для себя. Она хотела, чтобы он проговорил вслух чёткий приказ для всех. Мириэль понимала, что в их бедственном положении нужен лидер, может быть, немного деспотичный, чтобы приказы не обсуждались в команде, а безоговорочно выполнялись. Если позволить команде самостоятельность, то команда не будет работать как единый организм, поэтому она подталкивала Нилака к решениям и принятию ответственности.

— Мы не знаем их язык. У нас нет местной одежды. Нет денег и документов. Мы не знаем, кто здесь власть, кто охрана, кто торговцы и какие законы можем нарушить. Мы не знаем жестов, обращений, правил дорожного движения и как торговать с местными. Не знаем, что для них нормальное явление, а что чудо. Поэтому сначала готовимся, потом всё проверяем и только когда будем уверены, выходим к людям.

Амба коротко спросила:

— Скафы, оружие?

— Скафы, оружие, приборы — всё это нельзя светить. Один неверный шаг — и мы уже не потерпевшие аварию, а опасные вторженцы.

Мириэль смотрела на город спокойно, без испуга. Нилак уже знал это выражение: она не меньше его понимала опасность, просто не считала нужным сыпать соль на рану.

— Тогда нужен не город, — сказала она. — Нужен край дороги. Место, где чужие бывают чаще.

— Потом, — сказал Нилак. — Сначала возвращаемся на шаттл. Организуй связь с Маркасом.

Техник поднял глаза.

— Дроны оставляем?

— Оставляем. В пассивном режиме и максимально скрытно. Без красивых пролётов над крышами. Нам нужно записать как можно больше речевых выражений. Фиксировать всё, что возможно: вывески, одежду, то, как покупают товары, знаки на грузах, любые материалы, которые они сами используют для передачи информации. Всё и очень подробно.

— Понял.

Шайвам скользнул взглядом по лесу за спиной.

— Чисто.

Нилак ещё раз посмотрел вниз.

Город был слишком большим, чтобы ворваться в него такими красивыми и с криками: вот, мол, мы космические скитальцы. Он видел не трубы и крыши, а налаженную инфра-

структуру. Груз перемещают — значит, есть владелец. Есть документы, простои, штрафы и неустойки. Есть какая-нибудь полиция-милиция, служба безопасности, суды и адвокаты. И точно есть разумные, которые спросят, кто ты такой.

— Уходим, — сказал он.

Шайвам первым двинулся к спуску. Амба задержалась на секунду, пропуская Мириэль ближе к середине группы. Креаты без команды снялись с места и прикрыли задний сектор. Нилак пошёл последним с обзорной площадки, пока техник настраивал передатчик и пропи-сывал дронам новые маршруты наблюдения.

Шаттл стоял в лесистой складке, куда они посадили его после спуска на планету. Маски-ровка размывала контуры, делала корпус похожим на тёмный провал между камнями и мок-рой растительностью.

Шайвам первым проверил подход. Амба ушла вправо, креаты заняли задний сектор. Только после короткого жеста Шайвама Нилак поднялся к люку.

— Канал с «Тенью», — сказал Нилак.

Техник сел к консоли, быстро вывел связь через узкий направленный луч. На экране сначала пошла рябь, потом серые полосы собрались в изображение.

Маркас появился не сразу. Сначала — кусок аварийно освещённой переборки, чья-то рука с кабельным жгутом, потом уже его лицо. Спокойное, жёсткое и уставшее.

— «Тень» на связи, — сказал Маркас.

Нилак снял шлем, провёл ладонью по лицу и начал рассказывать Маркасу, что удалось увидеть.

— Планета населена. Здесь живут люди или существа, похожие на нас. Цивилизация докосмическая, но промышленная. Пар, металлургия, речной транспорт, тяжёлые дороги, воз-душные машины. Радиосети планетарного уровня нет. Локальные сигналы есть, похоже, по проводам.

Маркас слушал, не перебивая.

— Первый контакт?

— Нет.

— Хорошо.

В угол изображения влез Торик.

— Металлургия какая? — спросил он.

— С расстояния — неплохая. Заводы крупные. Грузы идут регулярно. Но качество спла-вов, станков и обработки пока неизвестно.

— То есть гипердвигатель быстро не соберём.

— Пока нет, — ответил Нилак.

— Жаль. Я уже начал верить в сказки, — сказал Торик.

Маркас даже не повернулся к нему.

— Риски?

Нилак коротко усмехнулся.

— Всё, что возможно... Нет языка, одежды, денег. Нет документов. Нет понимания мест-ной власти. Не знаем, что у них считается нормой, а что поводом звать людей с оружием. Город большой, транспорт организован, грузы маркируются. Значит, там есть контроль. И, скорее всего, не декоративный.

Мириэль стояла рядом и смотрела внимательно на экран.

— В город сейчас нельзя, — сказала она. — Там слишком много чужого и непонятного.

Маркас кивнул.

— Какие предложения?

— Дроны остаются на планете. Собирают всевозможную информацию. Мы возвращаемся на «Тень». Нужно подготовить языковой пакет, местную одежду. Придумать легенду и решить вопрос с деньгами. Или с тем, что сойдёт за деньги в местных лавках.

Торик прищурился.

— Деньги?

— Один из дронов зафиксировал передачу бело-серого металла между разумными. Возможно, серебро, платина или местный аналог. Сначала соберём больше данных, потом решим, что с этим всем делать.

— Если прикажете мне сделать фальшивые деньги, то вся ответственность на вас. Фальшивомонетничество карается законами империи, и можно загреметь в рудники.

— До рудников ещё нужно дожить, а легализоваться нам точно нужно будет. Действуем по обстоятельствам, вся ответственность на мне. Под протокол.

— Принято, под протокол, — ответил Торик.

Маркас чуть наклонился к экрану.

— Возвращайтесь. Ждём вас.

— Состояние «Тени»? — спросил Нилак.

Торик вместо Маркаса поднял руку.

— Всё то же самое. Всё, что возможно починить текущими ресурсами, за неделю починим, но далеко летать не сможем. С системой жизнеобеспечения всё в порядке, прожить сможем долго, но ресурсы не бесконечны.

— Понял, — сказал Нилак.

Нилак вдруг осознал, что времени у них не так много. Два месяца в лучшем случае — и они пролетят очень быстро, глазом не успеешь моргнуть. У них не было роскоши наблюдать за местными неделями и строить идеальную легенду. Нужно было действовать, оперативно и с максимальной эффективностью.

— Возвращаемся, — сказал он. — На «Тени» собираем язык и готовимся ко второму выходу. К окраине дороги или грузовому узлу. Там, где чужаки — это привычное дело.

Маркас принял это молча. Потом сказал:

— Окно подъёма через двадцать минут. Не задерживайтесь.

Голограмма связи погасла.

— Поднимаемся, — сказал Нилак.

Техник закрыл внешний канал, оставив дроны на пассивном маршруте. Шайвам вошёл последним, проверил люк, коротко кивнул. Через несколько секунд шаттл дрогнул, оторвался от мокрого камня и ушёл вверх, к повреждённой «Тени».

До «Тени» долетели без дополнительных сложностей. Шаттл мягко опустился на металлический пол ангара корабля. Нилак первым спустился по трапу и сходу начал раздавать указания. У трапа его уже ждал Маркас.

— Маркас, через три часа собери совещание командиров секций в кают-компании. Мы пока отдохнём немного и приведём себя в порядок. За это время дроны успеют собрать хоть какие-то данные.

— Принято.

— И пусть техник сразу выгружает всё, что поймали. Всё разложит по смысловым каталогам. Потом внимательно всё проанализируем.

— Сделаем.

Маркас посмотрел на него внимательнее.

— Вы выглядите уставшим, господин.

— Я нашёл целый город проблем, да и сам знаешь нашу ситуацию. Просто пока не знаю, как лучше расставить приоритеты. Сон всему голова, обсудим на спокойную голову.

— Тогда до встречи через три часа.

Нилак хотел сказать, что это не отдых, а имитация разумного поведения. Но спорить было лень. Ноги после спуска гудели, голова работала слишком быстро, а внутри всё ещё стояла картинка дымного города, стальных линий и воздушной машины, похожей на большую мечту авиаконструктора Миля.

Они с Мириэль отправились в свою каюту. Нужно было почистить пёрышки, пару часов поспать и придумать стратегию, как действовать на неизвестной планете так, чтобы не угробить ни себя, ни «Тень», ни какую-нибудь местную историю, которая до них прекрасно обходилась без космических идиотов.

В коридорах корабль выглядел хуже, чем хотелось.

Красный аварийный свет уже не резал глаза, к нему успели привыкнуть. Временные кабели тянулись вдоль стен, часть панелей была снята, где-то в глубине корпуса что-то гудело. По потолку полз ремонтный дроид «Техник-5», цепляясь тонкими лапами за направляющие. Второй такой же возился у раскрытой переборки, вытягивая из стены обугленный блок размером с коробку от кроссовок.

— Дом, милый дом, — сказал Нилак.

Мириэль посмотрела на искрящую панель, потом на дроида.

— У вас дома всегда так?

— Нет. Обычно ещё кто-нибудь кричит, что это временное решение, а потом оно работает несколько лет.

Нилак осёкся и подумал про себя, что когда-нибудь он поговорит с Мириэль и расскажет про Землю. Уж слишком часто у него проскакивают старые земные паттерны поведения. Но это потом, а сейчас нужно было спокойно всё обдумать.

— Это что за способ самоуничтожиться? — спросила Мириэль.

— Это вселенская мудрость, — уже спокойно и с улыбкой ответил Нилак.

Она чуть улыбнулась в ответ, но ничего не ответила.

В их каюте было тихо и спокойно. Нилак снял скаф, поставил шлем на крепление и несколько секунд просто стоял, расслабляясь и отпуская давление предыдущих часов.

Мириэль скинула перчатки, развязала крепления брони и устало опустилась на край койки.

— Ты действительно собираешься спать?

— Собираюсь помыться, потом лечь, закрыть глаза и сделать вид, что сплю.

Он дошёл до санузла, плеснул в лицо холодной водой и посмотрел на себя в зеркало. Молодое лицо. Русые волосы. Глаза человека, который хотел каф, душ и решить вопросы безопасности системы Корродад, а получил докосмический индустриальный мир и закон невмешательства в комплекте. С учётом нейросетей, если они вернутся обратно, то утаить деятельность, которую он планировал, будет практически невозможно.

— Ложись, дорогой муж. Уже меньше чем через три часа тебе снова придётся выглядеть так, будто ты всё контролируешь.

— Я всё контролирую.

— Конечно. Конечно.

— Ты слишком быстро ответила.

— Я жена и здесь, и в будущей легенде. Тренируюсь поддерживать твоё достоинство.

— С таким тоном?

— А ты хотел неправдоподобную жену?

На это у Нилака ответа не нашлось.

Он лёг, закрыл глаза и почти сразу понял, что заснуть не получится. Внутри крутились местные механизмы, и они собирались сунуть в эти механизмы свои пальцы.

Нилак всё-таки провалился в короткий, рваный сон минут на сорок. Проснулся сам, до сигнала. Мириэль уже сидела у стола и смотрела на несколько кадров, которые Нилак вывел на внутренний экран каюты: одежда у дороги, крупный план застёжек, руки лавочника у весов, грубые башмаки рабочего, лицо служащего с тёмной повязкой на рукаве.

— Ты спала? — спросил Нилак.

— Немного.

— Ну ладно, легенды ты уже научилась придумывать.

Когда они пришли в кают-компанию, там уже всё было забито разумными плотнее обычного.

Маркас сидел во главе стола. Рядом — Торик, уже с планшетом и таким лицом, будто он заранее ненавидит все решения, которые сейчас прозвучат. Пришли старшие дежурных смен. Шайвам и Амба стояли у стены, как два индуистских изваяния.

На столе висела собранная дронами уже достаточно детальная карта. Поверх карты расположились отдельные окна с изображениями вывесок, одежды, жестов, оружия и каких-то пластин с дырками.

Нилак обвёл всех взглядом.

— Ситуация простая. Мы нашли цивилизацию. Докосмическую, но промышленную. Нам сейчас очень нужны ресурсы. Если влезем на планету резко, то получим проблемы с местными и с законами Содружества. Поэтому работаем тихо, без героизма и без лишнего шума. Давайте по порядку.

— Торик, уже успели разобраться, какие денежные средства они используют?

Торик развернул одно из окон. На нём лавочник взвешивал светлый кружок на маленьких чашах. Запись была мутная, угол плохой, но движение понятное: металл приняли как расчётную единицу.

— Для обмена они используют светлый металл, — сказал Торик. — Скорее всего, серебро или местный сплав с примесями. По цвету гадать не буду. Можем сделать похожие заготовки на малом корабельном синтезаторе. Для маленьких предметов как раз сгодится, немного различных металлов у нас есть на складе. Что-то можем попытаться добыть в поясе астероидов, но лететь далеко, и придётся добывать с помощью технических дроидов. Промышленного лазера и буровой установки у нас нет. В любом случае лучше раздобыть эталонные образцы.

— Понял. Сделай несколько серебряных заготовок, похожих по форме и массе на то, что дроны увидели у лавочника, но без опознавательных знаков и отметин. Дальше попробуем их как-то пристроить и получить местные образцы.

— Что со связью?

Связист вывел схему.

— Шаттл остаётся ретранслятором. Узкий луч связи на «Тень». Дроны пока работают в пассивном режиме, без активного сканирования. Если местные используют проводные линии, мы можем слушать только побочные электромагнитные утечки. Лезть в их сеть не советую. Мы не знаем протоколов, можем на шуметь и подставиться.

— Хорошо, согласен, — сказал Нилак. — Изучаем всё то, что на улице, пока ничего не вскрываем.

Техник, который был с ними на планете, вывел отдельную подборку.

— По языку. Собрано уже больше тысячи коротких фрагментов. Разговоры у дороги, торговля, ругань в порту. Также зафиксировали множество повторяющихся знаковых блоков.

— У меня установлена база «Ксенолингвистика», скинь всё мне. Начну строить языковую базу.

«Материала недостаточно для устойчивой языковой модели. Возможны ошибки фонетики, перевода и социального регистра», — сообщила Люда.

— Одежда и легенда — Мириэль.

Она поднялась не торопясь. На экране появились кадры людей: женщина в длинном платье-пальто с корсетной линией, высоким воротом и широкополой шляпой. Несколько мужчин в длинных приталенных сюртуках, тоже с высоким воротом. Под сюртуками рубашки, жилеты и что-то среднее между шейными платками и галстуками. Множество металлических деталей: пуговицы, цепочки, пряжки, декоративные застёжки. Одежда сделана из плотной ткани, кожи или замши, тяжёлого суконнообразного материала. Всё выглядело практичным и износостойким.

— Бедными мы быть не можем. Бедных досматривают, толкают и не слушают. Богатыми — тоже. Я уверена, что все богатые у них на виду. Мы должны выглядеть как обеспеченные люди из дальних земель. С охраной и деньгами, но не так явно, чтобы нас сразу пригласили в гости местным большим людям или ограбили всей округой.

— Формулировка вдохновляет, — сказал Торик.

— Как есть, — ответила Мириэль. — Сейчас нам нельзя придумывать себе точный местный статус. Мы не знаем, как устроено их общество и за что здесь могут спросить настоящего. Поэтому легенда должна быть простой. Мы из дальних земель. Здесь пробудем несколько недель. Хотим наладить торговые связи на будущее.

Она перевела взгляд на карту.

— Чем меньше точных утверждений, тем труднее нас поймать на лжи.

Нилак кивнул.

— Тогда кто я?

— Обеспеченный человек издалека. С деньгами, женой и охраной. Этого достаточно для первого разговора. Больше уже лишние детали.

— Почему жена, а не спутница?

Мириэль посмотрела на него так, будто вопрос был совсем простой.

— Потому что жена имеет право стоять рядом, молчать, смотреть недовольно и не объяснять каждому встречному, почему она здесь.

Нилак усмехнулся.

— Понял.

Маркас сделал пометку на планшете.

— Состав второй группы, господин?

— Я, Мириэль, Шайвам, Амба, Рудар и Яма. Один техник остаётся у шаттла и держит канал. Остальные остаются на корабле. Оружие по минимуму, только то, что похоже на местное или можно незаметно спрятать. Энергетическое не показываем. Щиты не светить. Никаких чудес.

Шайвам коротко кивнул.

— Принято.

Амба молча проверила крепление клинка на бедре. Ничего не сказала, но по лицу было видно: ей не нравилась сама идея выходить в чужой мир с ограничением на оружие.

Нилак заметил.

— Амба, без демонстрации силы. Если можно уйти, то уходим. Если можно заплатить, то лучше заплатим. Или включаем вид непонимающих чужестранцев.

— А если нельзя?

— Тогда выживаем. Но сначала пробуем всё остальное.

— Принято, господин.

Медик подняла руку.

— По атмосфере. Без скафов выходить рискованно. Мы можем спрятать фильтры в воротники и маски, обработать кожу защитным составом, дать базовый набор блокаторов. Но без нормального анализа местной среды гарантий не будет.

— Делай то, что можно спрятать под одеждой, — сказал Нилак. — Набор первой помощи тоже скрытый. Никаких блестящих медицинских коробочек.

— Принято.

Торик, до этого что-то изучавший на планшете, поднял глаза.

— По серебряным заготовкам, господин. Сделать можно. Но без эталонного образца могут распознать подделку. Массу и форму сможем подогнать примерно по изображениям. С составом хуже. Малый корабельный синтезатор даст чистый металл, а чистый металл как раз может оказаться самым подозрительным.

— Насколько?

— Если они проверяют только вес и внешний вид, может пройти. Если умеют определять состав металла, нас поймают на чистоте и примесях. Поверхность можно поцарапать, затемнить, сделать края неровными. Но внутри он всё равно будет не местный.

— Тогда делаем малую партию. Только для первого обмена. Крупно не платим, много не показываем.

— Принято, господин. Лучше сразу раздобыть настоящий образец. Хотя бы один. По нему уже можно будет работать точнее.

— Постараемся.

Торик кивнул и снова опустил взгляд в расчёты.

— Повторяю порядок, — сказал Нилак. — Торик готовит металл. Техники — одежду, скрытые фильтры, крепления под оружие. Медики — обработку и блокираторы. Связь держит канал через шаттл. Пилоты готовят второе безопасное окно для спуска на планету. Маркас остаётся на «Тени» и держит корабль. Если связь пропадает надолго, решение принимает Маркас. Без самостоятельности.

— Принято, — ответил Маркас.

Совещание закончилось без длинных речей. Все и так понимали, что времени мало.

Корабль снова разошёлся по своим аварийным делам. Техники ушли к синтезатору и мастерской. Медики — собирать скрытые наборы. Связисты — проверять канал с шаттлом. Пилоты и навигаторы — считать окно второго спуска. Где-то внизу, в ремонтном отсеке, снова зашуршали «Техник-5», будто по стенам корабля ползали железные насекомые.

Нилак задержался у карты.

Окраинная точка у дороги мигала жёлтым. Там были складские навесы, лавка, тяжёлая дорога, несколько стальных линий и постоянное движение. Люди приходили и уходили: рабочие, служащие и путники. Хорошее место, чтобы разведать обстановку.

Через час малый корабельный синтезатор выдал первые серебряные кружки. Их нарочно сделали неровными: разная кромка, мелкие царапины, потемнение по краям. Но Нилак прекрасно понимал, что это только поверхность и есть большой шанс спалиться.

Торик положил кружки в небольшой контейнер.

— Малая партия готова, господин. По массе примерно соответствует тому, что удалось оценить по записи. Поверхность испортили. Но использовать осторожно.

— Понял.

— И лучше не платить одним и тем же металлом в нескольких местах подряд. Если они ведут учёт, повтор привлечёт внимание.

— Учту.

— Тогда всё.

Одежда получилась очень похожей на местную.

Синтезатор сделал основу слишком ровной, и Мириэль это сразу забраковала. Техники ворчали, но слушали. Края потёрли, часть фурнитуры сделали разной, швы чуть сбили, ткань приглушили, кое-где добавили следы дороги. Просто вещи людей, которые очень давно находятся в пути.

Нилак получил тёмный плотный синий сюртук, дорожный плащ, сапоги без лишнего блеска и ремень с металлическими накладками. В воротнике спрятали фильтр. Под тканью легла тонкая защита.

Для Мириэль сделали длинное платье-пальто с высоким воротом, плотную серо-синюю ткань, широкий капюшон и шляпу, которую можно было опустить ниже, чтобы прикрыть острые ушки. На ней даже корабельная подделка выглядела красиво.

Креаты получили более грубые дорожные комплекты. Плащи из плотной ткани, кожа, меньше металлического блеска, скрытые крепления под оружие. Охрана без парада. При этом им нужно было как-то умудриться не показывать вторую пару рук.

Амба проверила свой комплект и посмотрела на Нилака.

— Оружия мало, господин.

— Знаю.

— Не нравится.

— Мне тоже. Но если выйдем как оружейная витрина, вопросы начнутся раньше торговли.

Амба подумала и кивнула.

— Принято.

Перед вторым спуском первый вариант языковой модели был подготовлен Людмилой. Нилак прогнал несколько фраз на новом языке. Слова давались тяжело. Часть звуков цеплялась за горло, часть проваливалась куда-то в нос. Одно короткое выражение он три раза произнёс так, что Люда выдала предупреждение о возможном неприличном смысле.

«Фонетическое отклонение высокое», — сообщила она.

— Спасибо, утешила, — сказал Нилак.

Мириэль подняла глаза.

— Что говорит твоя нейросеть?

— Что говорю я пока как больной сон логопеда.

— Значит, говори меньше.

Нилак убрал серебряные кружки в небольшой кожаный мешочек. Связь проверили ещё раз. Скрытые фильтры, оружие, защиту, медпакеты — всё разложили по местам. Шаттл ждал в ангаре.

Маркас пришёл проводить их к трапу.

— Канал держим постоянно, господин. При потере связи больше пятнадцати минут начинаю действовать по обстановке.

— Без резких движений, если не будет прямой угрозы.

— Принято.

Нилак ненадолго задержал взгляд на Маркасе.

Мириэль уже стояла у трапа. Шайвам, Амба, Рудар и Яма заняли места молча. Никак

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.